

УДК 821.0(075.8)

DOI 10.25688/2076-913X.2019.33.1.04

В.М. Головки

Ценностные ориентиры в системе художественного миропонимания В.И. Слядневой

В статье раскрывается миропонимание как важная составляющая мировидения автора-творца в лирике и прозе В.И. Слядневой, которое объективируется в идиостиле и онтологической поэтике ее произведений. Отмечается, что укорененностью в народной культуре, мирозерцании, языке обусловлена система ценностных ориентиров художественного миропонимания, управляющая читательской рецепцией и являющаяся одной из форм выражения нравственно-эстетической позиции автора.

Ключевые слова: творческая индивидуальность писателя; художественная аксиология; народность; бытовое и бытийное; этнокультурная идентификация.

Творческая индивидуальность В.И. Слядневой (1940–2013) во многом обусловлена укорененностью ее поэзии и прозы в народной культуре, мирозерцании, языке. Образ малой родины незримо, но существенно определяет внутреннюю атмосферу ее художественных созданий. Ставропольское село Надежда для В.И. Слядневой, как подмосковная деревня Язвицы для выдающегося российского поэта В.Ф. Бокова, — это не только неиссякаемый источник вдохновения, тематического богатства, но и «уголок земли», сохраняющий нравственные устои подлинно человеческого бытия.

В поэтическом творчестве В.И. Слядневой ярко проявляются особенности лирического обобщения, свойственного этому роду литературы. В ее произведениях обнаруживаются те субъект-объектные связи и отношения, при которых, как отмечалось еще в эстетике Гегеля, «доводящая себя до сознания душа с ее субъективными суждениями, ее радостями, изумлением, болью и чувством», творит художественный мир, в котором «затрагиваются все направления национальной жизни» [10: с. 494]. Не случайно в теоретических исследованиях лирики как рода литературы во второй половине XX в. доминантной становилась именно эта мысль. «Проблема воплощения в лирике авторского сознания, всегда обобщающего черты общественного сознания эпохи» [11: с. 6], актуализировалась, например, в работах Л.Я. Гинзбург, В.Д. Сквозникова, Г.Д. Гачева, Б.О. Кормана, М.Л. Гаспарова и других исследователей.

Закономерно, что образ переживания в поэтическом мире В.И. Слядневой перерастает локальные рамки, приобретает универсальный характер, достигая пределов России:

Спит журавль колодезный,
Сена стог за межой.
Слита навек в моем сердце малая родина
С Родиною большой.

«Машут деревья кронами...» [3: с. 174].

И в то же время — пределов мироздания:

Хлебая дожди и дрожа от грозы,
И слушая чьи-то рыдания,
Пытаясь понять мироздания азы,
Хоть сами та ж пыль мироздания...
Не прячемся от мирового суда —
И крест свой нести нам по силе...
О чем бы ни шел разговор наш — всегда
Он будет о нас, о России.

«Юрию Кузнецову» [4: с. 9].

Соприродность человеческого существования и мирового целого фиксируется средствами народной поэтической образности и архетипами художественно-философского мышления, воспринимаемыми как традиция мировой культуры. Голос поэта В.И. Слядневой начинает звучать в унисон с медитациями Блеза Паскаля, Тютчева, Тургенева, Пришвина, Бокова, возвышавшими человеческую экзистенцию, человеческую мысль над безличностью всемогущей Природы.

Внутренняя соотнесенность неповторимо-индивидуального, единичного и всеобщего создает такую философскую ситуацию, когда человек, «мыслящий тростник» (Паскаль), «злак земной» (Боков), «пыль мироздания», пытается понять «мироздания азы». В творчестве В.И. Слядневой выражено представление о таком подлинно человеческом бытии, когда «личное» «я» предстает как конечное сущее, как часть бытия, которое входит в мир и вбирает его в себя. В таком поэтическом созерцании реализуется природа лирического творчества, маркируемая идеей динамической целостности. Имея в виду специфику художественного выражения лирического мировидения, М.И. Цветаева в письме Б.Л. Пастернаку от 11 февраля 1923 г. тонко подметила: «Лирические стихи (то, что называют) — отдельные мгновения одного движения: движения в прерывности. <...> Лирика — это линия пунктиром, издали — целая, черная, а взглядишь: сплошь прерывности между точками...» [8: с. 383]. Эстетическое качество подлинной поэзии — воссоздание философской картины мира как художественной целостности «линией пунктира» — в полной мере реализуется в поэзии В.И. Слядневой.

Природа как одухотворенное и одухотворяющее гармоническое целое, где все взаимосвязано, взаимозависимо, в картине мира ее произведений предстает как высший ценностный критерий, а высота духовных проявлений человека — как животворение самой природы. Натурфилософская проблематика

«по-разному проявляется в творчестве писателей: как понимание гармоничного единства человека и природы, выяснение влияния технического прогресса на окружающий мир, напоминание об ответственности людей за преобразования в природе, обозначение места человека в универсуме» [14: с. 22]. В поэтическом творчестве В.И. Слядневой подобные темы и мотивы предстают в интегрированном единстве.

В прозе поэта сохраняется та же специфика. Так, в рассказах В.И. Слядневой героини стараются все делать «ради того, чтоб сила была у земли от ласки людской, чтоб люди умели беречь в себе то, что давала им земля» («У черного тополя») [6: с. 14]. Через яркие образы выражается авторское понимание сущности человека, и не случайно для манеры повествования в произведениях характерен принцип внедрения голоса автора-повествователя в точку зрения, в слово героев при максимальном сближении «живой жизни», быта, феноменологии повседневности и законов мироздания.

Творчество В.И. Слядневой отличается новизной неожиданного сплава, редкого сочетания прозаического и бытийного, бытового и философского, бытописи и лирики. Это становится в ее поэтических произведениях формой специфического выражения «эмоционально самодовлеющей мысли, нашедшей себя... в образе переживания» [12: с. 406]. Можно даже сказать, что бытопись — форма народности поэтических и прозаических произведений, выражение национального образа мира.

Я заодно с землей, с родней!
Вот вновь бегут с крылечек...
Люблю вычерпывать бадьей
Я небеса из речек.

«Я на земле своей родной...» [3: с. 172].

Творчество В.И. Слядневой только выигрывало от такого сближения бытового и бытийного. Обновлялась образная система, приобретала оригинальный характер композиционная и ритмико-интонационная организация произведения. Заземление стиха в расширяющейся перспективе поэтического взгляда на мир придает лирике живое звучание, непосредственность в обращенности к чувству и мысли не эмпирического, а имплицитного читателя (интерпретатора образа переживания, участника эстетического события, находящегося в диалоге с автором). В такой системе изображения органичным является ценностное уравнивание, например, «избы с крышей — на два ската» с «лугом земным» и даже «солнцем» [3: с. 165]. В.И. Сляднева нередко образ пространства и времени концентрирует в хронотопе «дома», но достигает при этом максимального раскрытия в рефлексии лирического «я» сущности человеческого бытия. В художественном мире поэта нет дистанции между живым, конкретным человеком и всеобщим бытием. Сближение двух полюсов — единичного и космического, человеческого и природного — составляет суть художественного мышления В.И. Слядневой:

Усталое солнце на крышу сарая
Легло, отдохнуло, скатилось в туман,
Глухая старуха в избе умирает
И шепчет неслышно: «Жизнь — это обман...» [3: с. 205].

Или:

Скажи мне, свет Луны,
Я создана тобой?
А к морю выйду я,
Подумаю: «Прибой
Летучих волн
Мне тоже, видно, из родни:
Движения души у нас порой одни».
«Я вышла из лесов?..» [3: с. 165].

В этой предметности и универсальности художественного видения чувствуется жажда обновления как содержания творчества, так и поэтики. Метафорическое мышление, эпитет, который нередко материализует такое мышление, может поразить любого ценителя словесного творчества. «Держала нежно хвоя / Луч солнца на весу...» («Встреча под Магдебургом»), «Солнце завтра в окошко глянет, / Обнародовав новый май...» («Нарисуй меня, Модильяни!») [3: с. 113, 305] — эти и подобные тропы в их метафорической смелости и смысловом избытке являются ключом к идейно-эстетическому целому произведения. «Раненая память», «знамен пульсирующий цвет», «огненного времени птенец» и т. д. — такие неожиданные эпитеты из стихотворений цикла «Солдатские кресты» [3: с. 80–122] значимы в создании синтеза трагического и возвышенного, того единства отрицания войны и утверждения мира, неразрывности героического прошлого и его переживания в настоящем, которое определяет пафос произведений о Великой Отечественной войне. А вот строки стихотворения из книги «Я огненного времени птенец», посвященного памяти тем защитникам Родины, которые навсегда остались на полях сражений Великой Отечественной войны:

О войне я стихов не пишу
И в слова о смерти не играю; —
А с бойцами в бой сама хожу
И не понарошку умираю.
Жизнь поит меня живой водой,
Радует весенним благовестом...
Я лежу под каждой звездой
И под каждым холмиком безвестным.
«О войне стихи я не пишу...» [2: с. 7].

Это тот же масштаб изображения, что в известном стихотворении С.С. Орлова, написанном в 1944 г.:

Его зарыли в шар земной,
А был он лишь солдат...

«На алтаре души россиянина, — писала В.И. Сляднева, обращаясь к своему читателю, — всегда были высокие идеалы и цели. Цена их велика. За них были отданы жизни дорогих и любимых нами людей. Я не могу не думать о тех, кто никогда не увидит, как на луг упадет роса, как засияет новый восход и от лесов повеет родниковая прохлада» [5: с. 5]. В мыслях своих и авторских помыслах она неизменно возвращается к «истокам красоты» как в природе, так и в человеческих отношениях. В стихотворных циклах «В пределах Бориса и Глеба», «Хочу поехать по земле...», «Яблоко судьбы», «Солдатские кресты», «Зов России», «Спит журавль колодезный», «Роща белая, словно лебедь», «Кварты», «Портреты», в рассказах «По ту сторону радуги», «Полоска земли», «У черного тополя», «Перепелиная душа», «Вслед жизни» и др. звучит чистая нота веры в человека и надежда на чувство сопричастности к утверждению добра на земле. Цикл «Портреты», посвященный великим поэтам, художникам, философам, деятелям культуры, не только представляет собою эстетическую декларацию поэта, но и раскрывает суть той социально-нравственной позиции, с которой освещается как прошлое, так и настоящее России. В стихотворении «В. Маяковскому» дана, например, такая оценка современным процессам реставрации капитализма:

Все распроданы и раскрадены...
Но грядет оно, время судий!
Петь Отечество Вам, громадина,
То, "которое есть и будет!" [3: с. 299].

По природе своего таланта В.И. Сляднева — лирик. Таковой она остается и в поэзии, и в прозе, всегда ярко окрашенной эмоционально-личностным отношением к изображаемому. Поэтическое начало проявляется не только в выразительных средствах языка, в интонации и ритмически организованном повествовании, но и в нагрузке на слово, на его смысловые и ассоциативные ресурсы. Эстетическое в сфере отношения слова к действительности полноценно реализуется в творчестве Сляднейвой, активно воспринимавшей традиции поэтики модальности. Диалектика типологического и индивидуального в художественном мире ее произведений создавала предпосылки для того, чтобы поэтическое слово не сводилось «ни к мифологически субстанциональному, ни к условно поэтическому, ни к эмпирически бытовому смыслу, а выступало как принципиально вероятностный, но художественно реализованный мир отношения этих смыслов» [9: с. 456].

В малой прозе автор предстает перед читателем таким же мастером художественного высказывания, как и в поэтическом творчестве. Поэзии Сляднейвой изначально была присуща некая лирическая дерзость, то особое качество, которое Л.Н. Толстой считал непременным свойством лучших образцов этого литературного рода. Вот пример «дерзостного» поэтического самовыражения:

...Даже если вокруг ничего —
Ни тропы, ни звезды, ни огня —

Создаю я свой мир, и его
Бесконечность
Пугает меня.

«Создаю я свой мир...» [3: с. 281].

При всем том, что есть немало оснований для причисления В.И. Слядневой к числу так называемых «тихих поэтов», внутренняя атмосфера ее поэтических созданий является остро конфликтной, эмоционально напряженной, бунтарской, характеризуется резким противопоставлением картины мира лирического «я» всему, что противоречит высоким смысложизненным ценностям и нравственным абсолютам. В то же время этот мир соприроден гармоническому целому бытия. Именно потому формы самоощущения и лирического самовыражения в поэзии В.И. Слядневой приобретают универсальный характер. Во многих ее произведениях, воссоздающих уклад сельской, крестьянской жизни, знакомой с детских лет и воспетой ею в поэтической книге «Нашептали мне колосья...», онтология повседневности становится формой эквивалентного выражения чувства Родины, бытийной концепции автора.

Слово и поэзия в творчестве В.И. Слядневой изначально сосредоточивают в себе духовную жизнь и культурную память народа. Эстетическое созерцание талантливого поэта становится выражением его действенного отношения к миру, к человеку.

По-особому это отношение выражено в тех стихах, в которых доминирует гражданский пафос. Мысли о родной стране, об исторических судьбах поколений рождены социальным опытом автора, в основе которого крепкая связь с народом и его культурой. В произведениях В.И. Слядневой гражданственность не противостоит поэтичности, напротив, запечатлевается в эмоционально возвышенном образе переживания, имеет глубинный, а не декларативно-риторический характер. Сегодня почти забытым является само понятие народности творчества, но именно этим свойством обеспечивается жизнь художественных произведений во времени, их соответствие социокультурному контексту любой эпохи. Нравственные критерии трудового народа, созидающего духовные и материальные ценности, определяют социально-эстетический идеал автора-творца. Как писал И.С. Тургенев, для человека, без напряжения вступающего в область идеала, слова «добро», «истина», «жизнь», «любовь» «никогда не звучали ложным звуком» («Яков Пасынков»). Такому человеку открываются высоты духа. Не случайно в художественном мире В.И. Слядневой столь важным ценностно-эстетическим критерием является образ-концепт *высота*, назначение которого — высвечивать пути приобщения к красоте, к природе как живому гармоническому целому, открывать перспективы духовно-нравственного совершенствования человека.

...Послушна вечной красоте
На недоступной высоте
Душа моя парит.

«Любой от воздуха здесь пьян...» [3: с. 181].

* * *

Видим облака паренье
 В лебединой высоте,
 К нам приходит озаренье —
 Мы уже чуть-чуть не те...
 «Живой ручей» [3: с. 222].

В этом чувствуется органическая связь с классической традицией. Вспомним А.А. Фета:

Оторвись же от тусклой свечи ты душою свободной!
 Или тянет к земле роковое, тяжелое бремя?..
 «Истрепалися сосен мохнатые ветви...» [7: с. 105].

Или В.Ф. Бокова:

Побудь со мной на высоте,
 Оставь земной удел!..
 «В гостях у жаворонка» [1: с. 8].

Только это позволяет человеческой жизни «мчаться под облаками — под окнами у Бога» («Ездили в кибитках...») [2: с. 6].

Именно такое ощущение высоты духа позволяет воспринимать родную землю как олицетворение Родины, наполнять этот реальный образ символическим смыслом, связывать с ним утверждение человеческого в человеке.

...Наливается соками,
 Набирается силою
 Снова слово высокое
 О любви и России.
 «О любви и России» [3: с. 168].

Литературная репутация писателя определяется многими факторами — от социокультурной ситуации в стране до обстоятельств его личной судьбы и особенностей творческой биографии. Но прежде всего литературная репутация писателя зависит от глубины его философского миропонимания, мастерства, роли творческой индивидуальности в историко-литературном процессе. Как справедливо отмечал В.Д. Сквозников, «традиционные в лирике мотивы (темы), при всем их расширении и обогащении, особенно в критические эпохи, снова и снова “перепеваются”... становятся косной силой, тормозящей развитие. Складывается вроде бы нелепое положение: самый “интимный” род литературы оказывается иногда в самом жестком плену многообразных штампов» [13: с. 6]. Отражая в своем творчестве время, переживая вместе с народом «критические эпохи», смену общественно-экономических формаций и т. д., В.И. Сляднева, сохранявшая верность своим ценностным критериям — как нравственным, так и эстетическим, — не только избежала перепевов и штампов, но и реально обогатила художественное сознание неповторимыми открытиями в области художественной философии и поэтики. По масштабам

своего дарования она занимает достойное место среди тех, кого читательская общественность, литературные критики и профессионалы-литературоведы относят к числу талантливых поэтов и прозаиков современности.

Библиографический список

Источники

1. *Боков В.Ф.* В гостях у жаворонка: Новая книга стихов. Грозный: Книга, 1994. 160 с.
2. *Сляднева В.И.* Жизнь сама — такая быстрая дорога!.. // Литературная Россия. 2015. № 8. С. 6–8.
3. *Сляднева В.И.* Одолень-трава: Лирика. М.: Литературный фонд России, 1999. 640 с.
4. *Сляднева В.И.* Собр. соч.: в 5 т. Т. 2: Я огненного времени птенец. М.: Дружба литератур, 2012. 447 с.
5. *Сляднева В.И.* Собр. соч.: в 5 т. Т. 4: Перепелиная душа. М.: Дружба литератур, 2014. 448 с.
6. *Сляднева В.И.* У черного тополя // Литературная Россия. 2017. № 1. С. 12–14.
7. *Фет А.А.* Лирика. М.: Худ. лит., 1966. 184 с.
8. *Цветаева М.И.* Об искусстве. М.: Искусство, 1991. 479 с.

Литература

9. *Бройтман С.Н.* Лирика в историческом освещении // Теория литературы: в 4 т. Т. 3: Роды и жанры. М.: ИМЛИ РАН, 2003. С. 421–466.
10. *Гегель Г.В.Ф.* Эстетика: в 4 т. М.: Искусство, 1971. Т. 3. 622 с.
11. *Гинзбург Л.Я.* О лирике. Л.: Сов. писатель, 1974. 408 с.
12. *Сквозников В.Д.* Лирический род литературы // Теория литературы: в 4 т. Т. 3: Роды и жанры. М.: ИМЛИ РАН, 2003. С. 394–420.
13. *Сквозников В.Д.* Реализм лирической поэзии: становление реализма в русской лирике. М.: Наука, 1975. 368 с.
14. *Соколова Р.А.* Экологическое сознание Павла Васильева: к 105-летию со дня рождения // Вестник МГПУ. Сер. «Филология. Теория языка. Языковое образование». 2015. № 3 (19). С. 22–26.

References

Istochniki

1. *Bokov V.F.* V gostyax u zhavoronka: Novaya kniga stixov. Grozny'j: Kniga, 1994. 160 s.
2. *Slyadneva V.I.* Zhizn' sama — takaya by'straya doroga!.. // Literaturnaya Rossiya. 2015. № 8. S. 6–8.
3. *Slyadneva V.I.* Odolen'-trava: Lirika. M.: Literaturny'j fond Rossii, 1999. 640 s.
4. *Slyadneva V.I.* Sobr. soch.: v 5 t. T. 2: Ya ognennogo vremeni ptenezh. M.: Druzhba literatur, 2012. 447 s.
5. *Slyadneva V.I.* Sobr. soch.: v 5 t. T. 4: Perepelinaya dusha. M.: Druzhba literatur, 2014. 448 s.

6. *Slyadneva V.I.* U chernogo topolya // Literaturnaya Rossiya. 2017. № 1. S. 12–14.
7. *Fet A.A.* Lirika. M.: Xud. lit., 1966. 184 s.
8. *Czvetaeva M.I.* Ob iskusstve. M.: Iskusstvo, 1991. 479 s.

References

9. *Brojtman S.N.* Lirika v istoricheskom osveshhenii // Teoriya literatury': v 4 t. T. 3: Rody' i zhanry'. M.: IMLI RAN, 2003. S. 421–466.
10. *Gegel' G.V.F.* E'stetyka: v 4 t. M.: Iskusstvo, 1971. T. 3. 622 s.
11. *Ginzburg L.Ya.* O lirike. L.: Sov. pisatel', 1974. 408 s.
12. *Skvoznikov V.D.* Liricheskiy rod literatury' // Teoriya literatury': v 4 t. T. 3: Rody' i zhanry'. M.: IMLI RAN, 2003. S. 394–420.
13. *Skvoznikov V.D.* Realizm liricheskoj poe'zii: stanovlenie realizma v russkoj lirike. M.: Nauka, 1975. 368 s.
14. *Sokolova R.A.* E'kologicheskoe soznanie Pavla Vasil'eva: k 105-letiyu so dnya rozhdeniya // Vestnik MGPU. Ser. «Filologiya. Teoriya yazy'ka. Yazy'kovoe obrazovanie». 2015. № 3 (19). S. 22–26.

V.M. Golovko

Axiological Aspects of V.I. Slyadneva's Artistic Weltanschauung

World view as one of the factors forming the creative individuality of writer is revealed in the axiological system of the artistic world created by them. Outlook as an important component of the author-creator's world view, is objectified in the idiosyncrasy and ontological poetics of V.I. Slyadneva's lyrics and prose. The axiological system of artistic weltanschauung managing readers' perception and expressing author's moral and aesthetic position is rooted in people's culture, world outlook, and language.

Keywords: creative individuality of writer; artistic axiology; nationality; everyday and routine; ethnic and cultural identification.